

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-91-98

ПОЭТОНИМЫ В МИСТИЧЕСКОМ РАССКАЗЕ А. К. ТОЛСТОГО «СЕМЬЯ ВУРДАЛАКА»

Пронченко С. М.

*Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского,
филиал в г. Новозыбкове
243020, Брянская обл., г. Новозыбков, ул. Советская, д. 9, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Раскрыть особенности имяупотребления А. К. Толстого в ранней художественной прозе посредством системного подхода.

Процедура и методы. Автором проанализирована система имён собственных в рассказе А. К. Толстого «Семья вурдалака». При проведении исследования применены историко-литературный метод, наблюдение, сплошная выборка, контекстный анализ, классификация, статистический метод.

Результаты. Выявлена специфика толстовского имяупотребления на уровнях парадигматики и синтагматики.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования обогащают представление об особенностях семантико-стилистической системы и индивидуально-авторского словоупотребления А. К. Толстого. Они могут быть использованы в вузовских курсах «История русской литературы XIX века», «Литературное краеведение», в спецкурсах по ономастике художественного текста и по русской литературе XIX века, посвящённых творчеству А. К. Толстого.

Ключевые слова: готическая традиция, индивидуально-авторское имяупотребление, «Семья вурдалака», А. К. Толстой, филология имени, язык и стиль произведений русской романтической литературы XIX в.

POETONYMS IN THE MYSTICAL STORY OF A. K. TOLSTOY “THE FAMILY OF THE GHOUL”

S. Pronchenko

*Branch of Ivan Petrovsky Bryansk State University in Novozybkov
ul. Sovetskaya, Novozybkov 243020, Bryansk Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. The purpose of the paper is to reveal the features of the use of the name by A. K. Tolstoy in early fiction through a systematic approach.

Methodology. The paper analyzes the system of proper names in A. K. Tolstoy's story "The Family of the Ghoul". The research uses the historical and literary method, observation, continuous sampling, contextual analysis, classification, and statistical method.

Results. The specificity of Tolstoy's name usage at the levels of paradigmatics and syntagmatics is revealed.

Research implications. The results of the study enrich the idea of the features of the semantic and stylistic system and the individual author's word usage by A. K. Tolstoy. The obtained results can be also used in university courses "History of the Russian literature of the XIX century" and "Literary local history", as well as in special courses on onomastics of a literary text and on the Russian literature of the XIX century, dedicated to the work of A. K. Tolstoy.

Keywords: Gothic tradition, individual author's name usage, "Ghoul's Family", A. K. Tolstoy, name philology, language and style of works of Russian romantic literature of the 19th century

Введение

Ранняя мистическая проза А. К. Толстого (1817–1875) – повесть «Упырь» (1841), диалогия «Семья вурдалака» и «Встреча через триста лет» (конец 1830-х или начало 1840-х гг.), романский фрагмент «Амена» (1846) – подводит итог «самоу плодотворному периоду существования готической традиции в русской литературе первой трети XIX века» посредством «осмысления не только западноевропейской готики, но и русских текстов, выдержанных в той или иной степени в соответствии с готическим каноном» [7, с. 5].

В работе в фокусе внимания находятся не изучавшиеся ранее особенности употребления имён собственных (поэтонимов) в одном из написанных на французском языке рассказов диалогии «Семья вурдалака» с подзаголовком «Неизданный отрывок из записок неизвестного».

При рассмотрении ономастического пространства рассказа «Семья вурдалака» применяется системный подход, реализуемый в трудах филологов Санкт-Петербургского государственного университета¹ и предполагающий раскрытие *парадигматического* и *синтагматического* аспектов в функционировании поэтонимов. Первый из них исследует специфику употребления ономастических классов и подклассов, всех вариантов и способов ономастической номинации по отношению к одному референту, взаимосвязь имени с заглавием и ключевыми словами художественного текста, роль поэтонима в развитии сюжета, семантической композиции, цельности и связности, эксплицитного и имплицитного содержания текста. В рамках второго аспекта изучаются типы употребления поэтонимов (переносные, перифрастические, обобщённо-символические и др.), их стилистические функции, способы введения в контекст, употребление в разных формах художественной речи².

¹ См. Словарь автобиографической трилогии М. Горького: в 6 вып. с прилож. словаря имён собственных. Спец. вып.: Имена собственные / сост. А. В. Фёдоров, О. И. Фоянкова. СПб.: Изд-во Ленинградского университета, 1975. 104 с.; работы О. И. Фоянковой.

² Фоянкова О. И. Имя собственное в художественном тексте: учебное пособие. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. С. 37–38.

Исследование опирается и на современные теоретические достижения поэтономологии (имеются в виду особенности значения имени в художественном тексте, специальная ономастическая терминология), отражённые в трудах В. М. Калининской и учёных Донецкой ономастической школы (Н. В. Усовой, М. В. Буевской, К. С. Федотовой), а также В. Н. Топорова, Н. В. Васильевой, Т. М. Николаевой и др.³

Привлечены и изыскания В. А. Котельникова, А. В. Фёдорова, М. П. Одесского и др., посвящённые творчеству А. К. Толстого.

Особенностью художественной формы «Семьи вурдалака» является применение А. К. Толстым композиционного приёма «рассказ в рассказе». В первом из рассказов, начинающих художественное произведение, автором-повествователем сообщается о современном для него значительном историческом событии – Венском конгрессе 1814–1815 гг., служащем панорамой, на фоне которой кратко изображается жизнь дворянского общества, собирающегося после конгресса под Венной, во втором – повествователем является маркиз д'Юрфе, который в назидание этому обществу рассказывает об «ужасных» происшествиях в сербской деревне, свидетелем которых он стал в 1759 г. Таким образом, специфика хронотопа данного рассказа заключается в пересечении двух временных пластов – настоящего (начало XIX в., 1815 г.) и прошлого (вторая половина XVIII в., 1759 г.), формируемых в том числе и различными классами и подклассами имён собственных.

Парадигматический аспект функционирования поэтонимов

В рассказе употреблены следующие классы имён собственных: антропоэтонимы, топоэтонимы, эргоэтонимы, агипоэтонимы, мифопоэтонимы.

³ О специфике понимания Воронежской ономастической школой терминологии литературной ономастики см. [8].

Большинство имён, представленных в художественном произведении, являются антропоэтонимами. Среди них выделяются те, которые соотносятся с реальными историческими лицами. «Даже в тех случаях, когда поэтом называется лицо, какой-нибудь топографический или другой реальный объект, ореол художественного произведения переносит его в обстановку вымысла и игры», – отмечает В. М. Калинин [4, с. 70]. Н. В. Васильева в рецензии на книгу немецкого ономотолога-литературоведа Фолькера Кольхайма «*Der Name in der Literatur*» («Имя в литературе») [10] указывает, что «в фикциональных текстах имя ... прежде всего эстетический знак», что «идентифицирующая функция именем также выполняется, но она иная и может быть неглавной», поэтому оно приобретает вторичные функции, реализующиеся через фонетику и семантику [1, с. 243]. Параметр *мир текста* «не совпадает с *миром реальности* даже в поэтике реализма» (курсив автора. – С. П.) [2, с. 47]. Антропоэтонимы, о которых идёт речь, участвуют в создании художественного времени и пространства произведения, колорита изображаемой эпохи – жизни Европы начала XIX в.: *Меттерних, Гарденберг, Нессельроде, Огюстен Кальме* (аббат, упоминаемый как автор «Рассуждений о явлении ангелов, демонов и духов и о привидениях и вампирах в Венгрии, Богемии, Моравии и Силезии» (1746)).

В другую группу включаются антропоэтонимы, более других участвующие в развитии сюжета, цельности и связности текста, обладающие наибольшей частотностью. Это имена членов сербской семьи, коррелирующие с заглавием: *Горча, Георгий, Пётр и Зденка*, а также французские имена рассказчика маркиза *д'Юрфе* и его возлюбленной герцогини *де Грамон*, образы которых созданы «на стыке романтической традиции и традиции французской галантной прозы XVII столетия, в чём проявляется тонкое чувство исторического колорита» [3, с. 10]. Так, маркиз имеет привычку нюхать табак, заявляет о своей французской

галантности и галльской крови. Помимо этого, М. П. Одесский подчёркивает «намеренную аллюзивность» антропоэтонима *д'Юрфе*, поскольку титул и имя героя рассказа А. К. Толстого повторяют титул и имя второстепенного персонажа романа польского писателя Я. Потоцкого «Рукопись, найденная в Сарагосе» (День третий) [6, с. 299]. Первые главы романа были опубликованы в 1797 г. К этой группе относятся участвующие в развитии сюжета, примыкает малочастотное (употреблено трижды) имя разбойника-турка *Алибека*.

Топоэтонимы рассказа подразделяются на подклассы:

- названия городов: *Вена, Краков, Варшава, Париж, Яссы*;
- сёл: *Гитцинг* (селение в окрестностях Вены);
- рек: *Дунай*;
- частей города: *Пешт* (район Будапешта);
- стран: *Босния и Герцеговина, Сербия, Франция*.

Они моделируют художественное пространство и время текста (так, в рассказе *Яссы* – это столица Молдавского государства, существовавшего в XIV–XIX вв., в настоящее же время – это румынский город), создают исторический фон и участвуют в развитии сюжета. Хронотоп рассказа задаётся и эргопоэтонимом *Конгресс*, соотносящимся с эргонимом *Венский конгресс* (международной конференцией, пересмотревшей политическую карту Европы).

В «Семье вурдалака» употреблены агипоэтоним (имя христианского святого) *Георгий*, омонимичный антропоэтониму *Георгий* (имя одного из сыновей Горчи), и мифопоэтонимы *Диана, Адонис и Актеон*, создающие имплицитные смыслы, отсылающие, как представляется, к «Чуду о змие», а также римским и греческим мифам.

Сын Горчи Георгий имя христианского святого употребляет тогда, когда хочет удостовериться, что его отец после убийства Алибека превратился в вурдалака. К этому моменту Горча погубил одного из внуков и неожиданно пришёл из леса в дом своей семьи, сев к столу:

– Отец, – голосом твёрдым, но меняясь в лице, произнёс Георгий, – мы тебя ждём, чтоб ты прочёл молитву!

Старик, нахмутив брови, отвернулся.

– Молитву, и тотчас же! – повторил Георгий, – перекрестись – не то, клянусь святым **Георгием**... ...

– Нет, нет, нет, – сказал старик, – не властен он мне приказывать, а коли потребует ещё раз, прокляну!¹

После этого Георгий бросается в дом и ищет осиновый кол, которым хочет убить отца-вурдалака, но тот «*дико завыл и побегал в сторону леса с такой быстротой, которая для его возраста казалась сверхъестественной. Георгий гнался за ним по полю, и мы скоро потеряли их из виду*»².

Характерно, что осина в славянских верованиях – это «нечистое» и проклятое дерево; в обрядности и магии – универсальный оберег: «подозревая в покойнике упыря, в могилу при похоронах вбивали осиновый кол или клали на грудь умершему осиновые крестики или щепки (в.-слав., пол.). ... Чтобы помешать покойнику “ходить”, его могилу разрывали, голову отрубали, а сердце пробивали осиновым колом (в.-слав.)»³.

В рассказе отражается ещё одно славянское верование, связанное с вурдалаками и проявившееся в номинационном ряду *Горча – старик – он – отец – мертвец*. Как поясняет собравшимся рассказчик д'Юрфе, «*когда сербы подозревают в ком-нибудь вампира, то избегают называть его по имени или упоминать о нём прямо, ибо думают, что так его можно вызвать из могилы*»⁴.

Таким образом, этот эпизод рассказа, употребление агиопоэтонима *Георгий* активизируют фоновые знания об одном из известных посмертных чудес святого Георгия, когда он убил копьём змея, опу-

стошавшего землю языческого царя, и спас царевну от смерти.

Диана, в римской мифологии богиня луны и охоты, считалась олицетворением девственности; Актеон, в греческой мифологии охотник, увидел купающуюся Артемиду, в наказание превратившую его в оленя, которого растерзали собственные собаки; Адонис, прекрасный юноша из греческого мифа, стал предметом раздора между Афродитой и Персефоной, поэтому по решению Зевса треть года должен был проводить у каждой из богинь – с этими подтекстовыми смыслами, идущими из древних мифов, связаны мысли маркиза д'Юрфе о Зденке, напоминающей ему недоступную возлюбленную герцогиню де Грамон: «*Если Зденка и не Диана, какую я воображал её себе, то я могу сравнить её с другой богиней, не менее очаровательной и, ей-богу же, роль Адониса я предпочту роли Актеона!*»⁵. Мифопоэтонимы, таким образом, отражают образ мыслей представителей западноевропейского дворянства, что подтверждается далее следующим замечанием маркиза д'Юрфе: «*Мифология занимала тогда все умы, а я не имел притязаний на то, чтобы опередить свой век*»⁶.

Одним из ключевых в «Семье вурдалака» является антропоэтоним *Зденка*. Частотность имени (употреблено 76 раз) обусловлена его активным участием в развитии сюжета, значимостью героини для повествователя маркиза д'Юрфе, в которую он влюблён. В рассказе с образом Зденки связан не только мотив недоступности, чистой духовности, но и мотив её губительной чувственной привлекательности, который возникает на последних страницах произведения, когда д'Юрфе решается ночевать в вымершей деревне, в доме семьи Горчи, и встречается с Зденкой-вампиришей в её комнате. Мотив демонической красоты характерен и для других мистических произведений русской романтической литературы XIX в. – в частности, повести Н. В. Гоголя «Вий», впервые опубликованной в сборнике «Миргород» (1835), где он связан с образом панночки. Источниками

¹ Толстой А. К. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2 / под ред. И. Ямпольского. М.: Правда, 1969. С. 90.

² Там же. С. 91.

³ Агапкина Т. А. Осина // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 3: К (Круг) – П (Перепёлка) / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. С. 570, 572.

⁴ Толстой А. К. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2 / под ред. И. Ямпольского. М.: Правда, 1969. С. 80.

⁵ Там же. С. 96.

⁶ Там же. С. 97.

мистики у А. К. Толстого, с одной стороны, укоренённого в «русско-малороссийском этнокультурном мире», с другой – имевшего западные ориентиры под влиянием его дяди, писателя-романтика А. А. Перовского (1787–1836) (псевдоним – А. Погорельский), были русский и европейский фольклор и, в частности, творчество Н. В. Гоголя, но наиболее значительным было влияние Э. Гофмана [5, с. 22, 23]. Мистическое же в ранней прозе А. К. Толстого «способствует прояснению общих духовных законов, определяющих бытие мира и человека, то есть является романтически чудесным» [9, с. 510]. Концовка «страшного» рассказа А. К. Толстого жизнеутверждающая: маркизу д'Юрфе удаётся вырваться от преследующих его вурдалаков и спастись.

Синтагматический аспект функционирования поэтонимов

По характеру контекста и стилистической роли в «Семье вурдалака» выделяются несколько типов употребления поэтонимов. Укажем два типа: 1) контексты, объединённые временной рамкой 1815 г., и 2) контексты, связанные с событиями в сербской деревне в 1759 г.

В контекстах первой группы выделяют следующие виды.

а) Контексты, в которых проявляются элементы исторического художественного мышления А. К. Толстого, воссоздаётся колорит эпохи, образ жизни западноевропейского дворянского общества: «В 1815 году в Вене собрался цвет европейской образованности, дипломатических дарований, всего того, что блистало в тогдашнем обществе. Но вот – Конгресс окончился.

Роялисты-эмигранты намеревались уже окончательно водвориться в своих замках, русские воины – вернуться к покинутым очагам, а несколько недовольных поляков – искать приюта своей любви к свободе в Кракове под сомнительной тройственной эгидой независимости, уготованной для них князем Меттернихом, князем Гарденбергом и графом Нессельроде»¹.

¹ Толстой А. К. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2 / под ред. И. Ямпольского. М.: Правда, 1969. С. 74.

б) Контексты-характеристики упоминаемых или действующих лиц: «Это весёлое общество, к которому принадлежал и я, собиралось два раза в неделю у вдовствующей княгини Шварценберг ... Истинная светскость хозяйки дома, ещё более выигрывавшая от её милой приветливости и тонкого остроумия, делала чрезвычайно приятным пребывание у неё в гостях»²; «...маркиз д'Юрфе, старик эмигрант, пользовавшийся всеобщей любовью за свою чисто юношескую весёлость и ту особую остроту, которую он придавал рассказам о былых своих любовных удачах, воспользовался минутой безмолвия и сказал ...»³.

Более разнообразна вторая группа контекстов с поэтонимами, внутри которой можно выделить несколько видов.

а) Контексты, участвующие в движении сюжета: «Утром мне сообщили, что по Дунаю, пересекавшему дорогу в четверти мили от деревни, начал идти лёд ... Переправа на несколько дней была закрыта, и мне было нечего думать об отъезде»⁴; «Уже зашло солнце, когда Георгий возвратился домой, бледный как смерть и с взъерошенными волосами. Он сел у очага, и зубы у него, кажется, стучали»⁵; «Дела, по которым я приехал в Яссы, задержали меня там дольше, чем я предполагал»⁶; «Когда меня отозвали в Париж, я избрал ту же дорогу, какой я прибыл в Яссы»⁷ и др.

б) Контексты с портретными зарисовками-характеристиками членов сербской семьи: «...старик отец его (Георгия. – С. П.), по имени Горча, человек нрава беспокойного и неуступчивого...»⁸; «Георгий, старший сын, с чертами лица мужественными и резкими, был, по-видимому, человек строгий и решительный. ... У брата его Петра, красивого восемнадцатилетнего юноши, лицо носило выражение скорее мягкости, чем отваги, и его, судя по всему, особенно любила младшая сестра, Зденка, в кото-

² Там же. С. 74.

³ Там же. С. 75.

⁴ Там же. С. 85.

⁵ Там же. С. 91.

⁶ Там же. С. 92.

⁷ Там же. С. 93.

⁸ Там же. С. 77.

рой можно было признать тип славянской красоты»¹ и др.

в) Контексты, раскрывающие внутреннее состояние, чувства маркиза д'Юрфе: «Своеобразная прелесть **Зденки**, это странное сходство с герцогиней **де Грамон** ... эта удивительная складочка на лбу ... всё это, вместе с необычностью моего положения и таинственностью всего, что происходило вокруг, повлияло, должно быть, на зреющее в моей душе чувство...»²; «Все эти обстоятельства не мешали мне чувствовать к **Зденке** нежность, которая всё больше усиливалась»³ и др.

г) Контексты с именами-обращениями, употребляемыми в репликах персонажей:

– Ладно, дочка, ладно, **Зденка**, я тебе расскажу, что со мной было в горах, только уж как-нибудь в другой раз, а то сегодня я устал⁴;

– **Георгий**, – вполголоса сказала ему жена, – да неужто ты...

– Брат, что ты затеял? – заговорила и сестра. – Да нет, нет, ты этого не сделаешь, верно?⁵ и др.

Итак, содержание контекстов с поэтонимами позволяет указать следующие стилистические функции имён в рассказе: номинативно-изобразительная, эстетическая, текстообразующая, характеристическая, экспрессивная, апеллятивная, культурно-историческая, локально-темпоральная.

Заметим также, что в рассказе «Семья вурдалака» употреблена лексика, указывающая на его принадлежность к романтизму: *сумерки, тишина, вечер, луна, лунный свет, темнота, мёртвенно-бледное лицо, кровь, окровавленная голова, вампиры, вурдалаки, труп, трупное дыхание* и др. В произведении характеризуются традиции сербов, представлены лексемы, называющие оружие, одежду, еду. Это свидетельствует об установке А. К. Толстого на этнографизм: *турецкая пицаль* и *нож, ятаган*,

казакин, творог и молоко в кринках, водка с грушами, мёдом и изюмом; сербская традиция по воскресеньям веселиться, плясать, стрелять из пицали, бороться.

Заключение

Особенности имяупотребления в рассказе А. К. Толстого «Семья вурдалака» на уровне парадигматики заключаются в представленности немногих ономастических классов (и подклассов), среди которых преобладают антропоэтонимы. В целом среди поэтонимов встречаются моделирующие хронотоп (образуемый двумя временными рамками, что обусловлено применением композиционного приёма «рассказ в рассказе»), много- и малочастотные, участвующие в движении сюжета в меньшей и в большей степени, аллюзивные, демонстрирующие историческое мышление и установку автора на этнографизм (в том числе посредством отражения в тексте славянских «страшных» верований о вурдалаках).

Характерно, что вариантность ономастической номинации одного и того же персонажа в рассказе сведена к нулю. Это особенно заметно при сопоставлении поэтонимиков данного рассказа и романа «Князь Серебряный» (1862), подведшего черту в развитии А. К. Толстого-прозаика.

На уровне синтагматики своеобразие толстовского имяупотребления проявляется в характере контекстов с поэтонимами (создают исторический и этнографический колорит, характеризуют главных и второстепенных персонажей, участвуют в развитии сюжета, отражают внутреннее состояние героев) и стилистической роли имён в тексте рассказа.

Статья поступила в редакцию 27.09.2021.

¹ Толстой А. К. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2 / под ред. И. Ямпольского. М.: Правда, 1969. С. 78.

² Там же. С. 85–86.

³ Там же. С. 87.

⁴ Там же. С. 82.

⁵ Там же. С. 83.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева Н. В. Литературная ономастика: традиционное и новое // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 4. С. 241–251.
2. Васильева Н. В. О терминологических границах литературной ономастики // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. 2020. № 2 (13). С. 44–55.
3. Громова П. С. Проза А. К. Толстого: проблемы жанровой эволюции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2011. 19 с.
4. Калинин В. М. Поэтика онимов: неоспоримость правды вымысла // Культура в фокусе научных парадигм. 2018. № 6. С. 66–71.
5. Котельников В. А. «Немецкий текст» в жизни и творчестве А. К. Толстого (К 200-летию со дня рождения поэта) // Русская литература. 2017. № 4. С. 22–39.
6. Одесский М. П. Вампирическая топика в ранней прозе А. К. Толстого // Одесский М. П. Четвёртое измерение литературы: статьи о поэтике. М.: РГГУ, 2011. С. 275–316.
7. Полякова А. А. Готический канон и его трансформация в русской литературе второй половины XIX века (на материале произведений А. К. Толстого, И. С. Тургенева и А. П. Чехова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 28 с.
8. Скуридина С. А. Специфика терминологии литературной ономастики // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 1 (36). С. 105–117.
9. Фёдоров А. В. Испытание веры: повесть А. К. Толстого «Амена» // «О Родине песни и думы его...»: А. К. Толстой в мировой культуре: материалы научно-практических конференций, посвящённых 200-летию А. К. Толстого, Брянск, 17 мая 2017 г. Брянск: ВОО, 2017. С. 504–511.
10. Kohlheim V., Kohlheim R. Der Name in der Literatur. Heidelberg: Winter, 2019. 371 S.

REFERENCES

1. Vasil'eva N. V. [Literary Onomastics: Traditional and New]. In: *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2019, vol. 16, no. 4, pp. 241–251.
2. Vasil'eva N. V. [On the Terminological Boundaries of Literary Onomastics]. In: *Lingvistika i metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Linguistics and Methods of Teaching Foreign Languages], 2020, no. 2 (13), pp. 44–55.
3. Gromova P. S. *Proza A. K. Tolstogo: problemy zhanrovoy evolyutsii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Prose of A. K. Tolstoy: Problems of Genre Evolution: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Tver, 2011. 19 p.
4. Kalinkin V. M. [The Poetics of Onyms: The Indisputability of the Truth of Fiction]. In: *Kul'tura v fokuse nauchnykh paradigm* [Culture in the Focus of Scientific Paradigms], 2018, no. 6, pp. 66–71.
5. Kotel'nikov V. A. ["The German Text" in the Life and Work of A. K. Tolstoy (To the 200th Birthday of the Poet)]. In: *Russkaya literatura* [Russian Literature], 2017, no. 4, pp. 22–39.
6. Odesskii M. P. [Vampiric Topic in the Early Prose of A. K. Tolstoy]. In: Odesskii M. P. *Chetvertoe izmerenie literatury: stat'i o poetike* [The Fourth Dimension of Literature: Articles on Poetics]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2011, pp. 275–316.
7. Polyakova A. A. *Goticheskii kanon i ego transformatsiya v russkoi literature vtoroi poloviny XIX veka (na materiale proizvedenii A. K. Tolstogo, I. S. Turgeneva i A. P. Chekhova): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Gothic Canon and Its Transformation in Russian Literature of the Second Half of the Nineteenth Century (Based on the Works of A. K. Tolstoy, I. S. Turgenev and A. P. Chekhov): Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2006. 28 p.
8. Skuridina S. A. [The Specifics of the Terminology of Literary Onomastics]. In: *Aktual'nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki* [Actual Issues of Modern Philology and Journalism], 2020, no. 1 (36), pp. 105–117.
9. Fedorov A. V. [Test of faith: A. K. Tolstoy's story "Amen"]. In: "O Rodine pesni i dumy ego...": *A. K. Tolstoy v mirovoi kul'ture: materialy nauchno-prakticheskikh konferentsii, posvyashchennykh 200-letiyu A. K. Tolstogo, Bryansk, 17 maya 2017 g.* ["On the Homeland of the Song and His Thoughts ...": A. K. Tolstoy in World Culture: Materials of Scientific and Practical Conferences Dedicated to 200th Birthday of A. K. Tolstoy, Bryansk, May 17, 2017]. Bryansk, VOO Publ., 2017, pp. 504–511.
10. Kohlheim V., Kohlheim R. Der Name in der Literatur. Heidelberg, Winter, 2019. 371 S.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пронченко Сергей Михайлович – кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин филиала Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского в г. Новозыбкове;
e-mail: s.m.pronchenko@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey M. Pronchenko – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Social, Economic and Humanitarian Disciplines, Branch of Ivan Petrovsky Bryansk State University in Novozybkov;
e-mail: s.m.pronchenko@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Пронченко С. М. Поэтонимы в мистическом рассказе А. К. Толстого «Семья вурдалака» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 1. С. 91–98.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-91-98

FOR CITATION

Pronchenko S. M. Poetonyms in the Mystical Story of A. K. Tolstoy “The Family of the Ghoul”. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 1, pp. 91–98.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-91-98